УДК 82

Красильников Роман Леонидович
Доктор филологических наук;
Российская Федерация, Москва, e-mail: krasilnikov.rl@gmail.com

«ЗАБЫТАЯ» ПОВЕСТЬ: О «ЖЕРТВЕ» Л. Н. АНДРЕЕВА

Статья посвящена анализу и интерпретации повести Л. Н. Андреева «Жертва» (1916). Рассматривается историко-культурный контекст создания произведения (война, поздний период творчества писателя, работа в газете «Русская воля») и взаимодействие текста с жанром «рождественского» рассказа.

Ключевые слова: *Л. Н. Андреев, «Жертва», Первая мировая война, газета «Русская воля», «рождественский» рассказ.*

Roman L. Krasilnikov
Doctor in Philology science;
Russian Federation, Moscow

"FORGOTTEN" STORY: ABOUT "THE VICTIM" BY LEONID ANDREEV

Abstract. *The article is devoted to the analysis and interpretation of the story by Leonid Andreev "The Victim" (1916). The historical and cultural context of the creation of the work (war, the late period of creativity, work in the newspaper "Russian Will") and the interaction of the text with the genre of the "Christmas" story are studied.*

Key works: *Leonid Andreev, "The Victim", First World War, newspaper "Russian Will", "Christmas" story.*

Для цитирования:
Красильников Роман Л. «Забытая» повесть: о «Жертве» Л. Н. Андреева // Гуманитарная парадигма. 2021. № 2 (17). С. 28—35.

«Жертва» — настолько «непримечательное» произведение Л. Н. Андреева, что на него не только практически не обращают внимание исследователи, но и «забыл» поместить в свое последнее прижизненное собрание сочинений сам писатель [2, с. 623].

Вместе с тем известно, что «чтение на полях» как отдельных текстов, так и их творческих систем в целом способно привести к не менее интересным выводам, чем изучение «ключевых» сочинений, «краеугольных камней» и «парадигмальных линий» в наследии того или иного автора.

Чем же все-таки может быть примечательна «Жертва»? Что её изучение может дать андрееведению?

Прежде всего обратим внимание на год создания — 1916-й. Перед нами пример позднего творчества Андреева, который в известном письме С. С. Голоушеву (25 марта 1918 г.) описывал этот этап как спад: «Вершины я достигаю в 906–7 г. <…> Конечно, я могу сказать про себя, что падаю. Такие вещи, как Екатерина Ивановна, [Сашка] Жегулев, Самсон [в оковах], Тот, кто [получает пощечины], Собачий вальс, Реквием и многие рассказы, — или совсем не уступают прежним, или же уступают мало. Но выше Жизни Человека или Анатемы — нет. И рассказов выше Иуды и Тьмы нет» [3, с. 233–234].

В 1916 г. Андреев написал относительно немного художественных произведений — прозаических («Иго войны», «Два письма») и драматургических («Собачий вальс», «Милые призраки», «Реквием»). Он тяжело переживал неудачи в переговорах с Московским художественным театром по поводу постановки пьес и в связи с непростым финансовым положением семьи принял предложение войти в редакцию газеты «Русская воля». Поначалу Андреев воспринимал новую должность как путь к денежной стабильности и созданию печатного органа (во всяком случае его части) на основе собственных принципов. Однако вокруг газеты ходили нелицеприятные слухи (о финансовых махинациях владельцев, их германофильской позиции), от сотрудничества с изданием отказались такие известные писатели и поэты, как И. С. Шмелёв, А. А. Блок, К. И. Чуковский, А. Серафимович, причём приглашаемые лично Андреевым, наконец, и редакционная политика не дала писателю искомой свободы. Несмотря на все эти обстоятельства, Андреев проработал в «Русской воле», честно выполняя возложенные на него обязанности (он заведовал отделами беллетристики, критики и театра, писал политические статьи) до тех пор, пока она не была закрыта, то есть менее года [5, с. 302–303].

Период работы писателя в газете достаточно хорошо изучен, однако на первый план в трудах исследователей, например, в последней масштабной статье по теме Л. И. Шишкиной [8; 9], как правило, выходит андреевская публицистика.

Первый номер «Русской воли» вышел 15 декабря 1916 г., а 25 декабря того же года была опубликована «Жертва». Очевидно, что Андреев считал своим долгом заполнять соответствующие разделы издания, поэтому взял на себя создание традиционного рассказа для рождественского номера.

РУССКАЯ ВОЛЯ

ВОЕННЫЙ ЗАЕМЪ
1916 ГОДА
ВТОРОЙ ВЫПУСКЪ.

Когда врагъ еще не изгнанъ изъ нашей земли, а наши братья жертвуютъ за насъ своею жизнью, преступно тратить на прихоти наши сбереженія.

Каждый свободный рубль пусть идетъ на борьбу съ врагомъ, на помощь героямъ-защитникамъ.

Подписывайтесь на военный заемъ!

Первая полоса газеты «Русская воля» 1916. № 11. 25 декабря

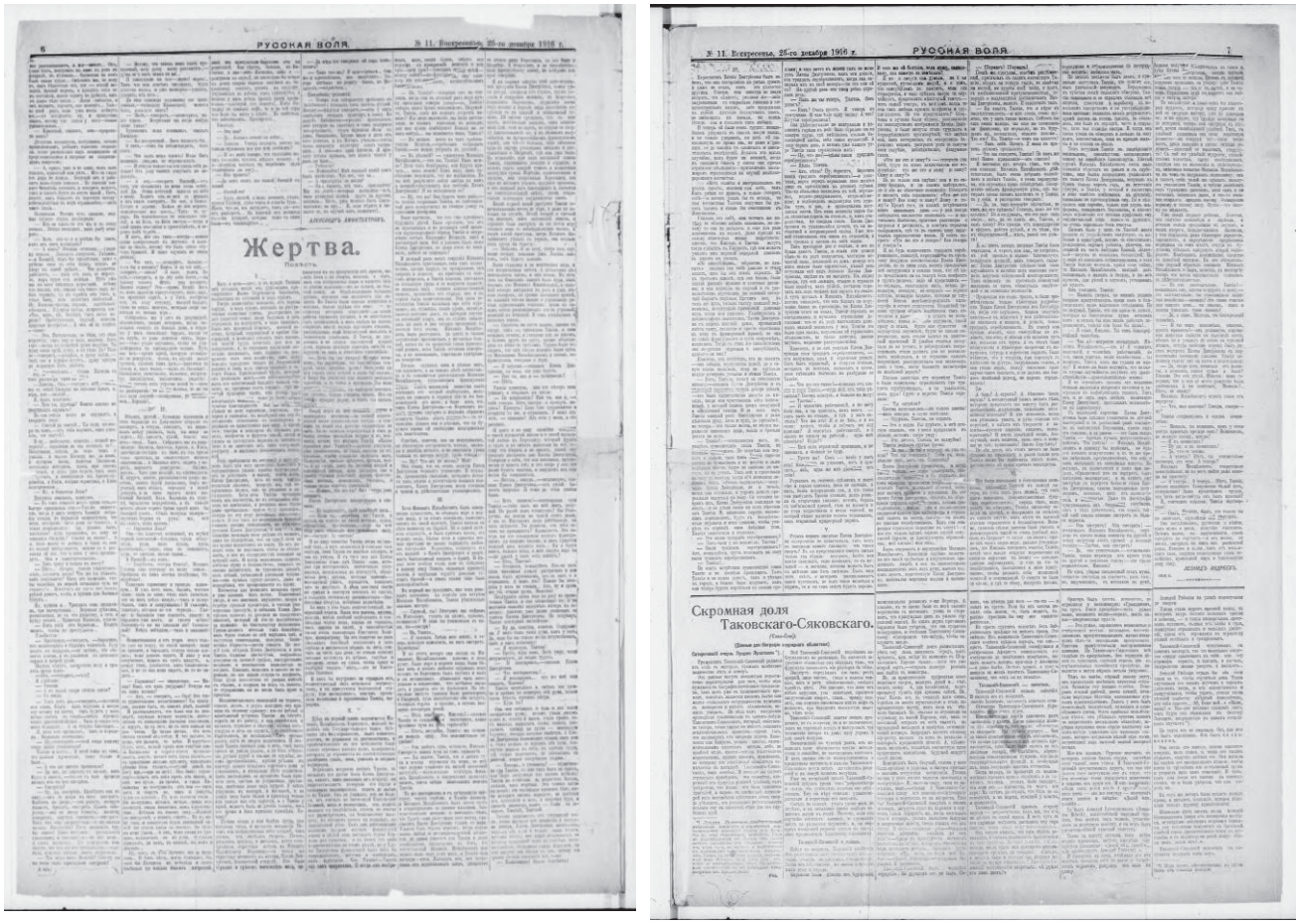
Безусловно, нельзя воспринимать этот текст вне исторического контекста. Прошло более двух лет после начала Первой мировой войны, и если поначалу писатель входил в число «патриотически настроенной» части населения, то чем далее, тем всё чаще смотрел на события со свойственной ему экзистенциальной, трагедийной точки зрения, о чём свидетельствовал, к примеру, уже упомянутый рассказ «Иго войны».

Первая полоса номера от 25 декабря 2016 г. посвящена объявлению о военном займе, далее идут три страницы рекламной информации, связанной с новыми изданиями, подписками на журналы, страхованием, театральными анонсами. Наконец, на пятой полосе опубликована первая заметка — «День Рождества» за подписью Андреева. «Вот уже третье Рождество, что христианскому миру приходится взывать к небесам с мольбою о мече, а не о мире. Потому что мир — единственный, возможный и желанный мир: долгий, спокойный, невозмутимый мир объединённой, против его нарушителей, Европы — заключается сейчас в мече», — такова риторика статьи. Во второй её части — «Приветствие», обращённое к солдатам, в том числе к офицеру А. (в котором угадывается брат автора Андрей), декларирующее единство сражающихся на фронте и работающих в тылу [1, с. 5].

Затем следуют рассказ А. Амфитеатрова «Было, есть и будет (из воспоминаний фельетониста)» и интересующая нас повесть Андреева «Жертва», уместившийся в десять высоких (неполных) колонок на шестой и седьмой страницах.

Вот в каком контексте было опубликовано произведение, и при его рассмотрении нельзя не учитывать трансформацию отношения страны и

писателя к войне, особенности развития его творчества, специфику жизненных обстоятельств и места публикации.


РУССКАЯ ВОЛЯ

Жертва.

Повесть

Скромная доля Таковскаго-Сяковскаго.

Страницы газеты «Русская воля» 1916. № 11. 25 декабря с рассказом Л. Н. Андреева «Жертва»

Переходя непосредственно к «Жертве», обратим внимание на тот факт, что перед нами — «календарный», «рождественский», «святочный» текст. Среди его типологических черт исследователи называют следующие: «рождественская философия с её утопическим и сентиментальным представлением о жизни, проповедью ценности человеческой жизни, тепла, добра и радости в отношениях между людьми», «действие приурочено к рождественским праздникам и разворачивается в течение святок или одной рождественской ночи; с героем происходят чудеса, которые предопределяют душевную метаморфозу; рассказ имеет счастливую развязку» [7, с. 127]. Вместе с тем уже во второй половине XIX века «святочные» тексты трансформировались: «Сохраняя нравственный смысл содержания, русские писатели вводят социальный аспект в вечную тему добра и зла, осложняют содержание рассказов обнажением неблагополучия и несправедливости в общественной жизни. Социальный пафос обусловил возможность введения в святочный рассказ поэтических приёмов, не характерных для этого жанра,

изменения функций традиционных святочных канонов; распространялось свободное отношение к сложившимся жанровым стереотипам, реалистическое обоснование чудесного в рассказе» [Там же].

У Андреева уже был опыт написания «календарных», в том числе «рождественских», текстов: вспомним хотя бы «Ангелочка» (1899), вполне отвечавшего вышеназванным критериям. А как соотносится «Жертва» с указанными особенностями «святочных» рассказов?

Начнём с авторского определения жанра — «повесть». Безусловно, по объёму, по количеству сюжетных линий и действующих лиц это рассказ. Вероятно, писатель делает акцент на одном из аспектов значения жанра — «то, что повествуется», «повествование вообще» [6, стб. 752–753]. «Игровое» обозначение жанра вполне соотносится с тем, что Андреев если не отказывается от характерных «рождественских» приёмов, то планомерно пародирует, «переворачивает» их. Подобные «антирождественские» тенденции Е. В. Душечкина отмечала относительно некоторых рассказов А. П. Чехова [4, с. 225–226].

Прежде всего, в «Жертве» нет описания соответствующих праздников, и «святочным» это произведение мы называем только в связи с его публикацией в «рождественском» номере. Вместе с тем в повести есть «обнажение неблагополучия и несправедливости в общественной жизни»: Елена Дмитриевна и её дочь Таисия остаются без средств к существованию после смерти Якова Сергеевича Воробьёва, «полковника в отставке и под судом». Неблагополучие очевидно, но не несправедливость: отец семейства растратил казённые деньги для обеспечения жене и дочери красивой жизни («театры и концерты в первых рядах, конфеты и фрукты зимой, гости и ужины на пятнадцать персон с вином»). Таким образом, уже в начале произведения Андреев своеобразно «играет» с жанром, рисуя бедное, но не вызывающее большого сожаления положение персонажей.

С помощью деталей писатель включает «Жертву» в такой важный дискурс русской литературы, как тема «маленького человека»: Елена Дмитриевна умела только мыть чайный стакан, Таисия страдала от красноты носа, и вместе они «ждали откуда-то конфет». В целом Андреев здесь реалистично описывает зависимое положение женщин в ту эпоху: им достался лишь «крохотный пенсион» после смерти отца семейства да и «кто-то добрый и влиятельный устроил Таисию на службу». Однако писатель отказывает своим персонажам в каких бы то ни было достоинствах, наделяя дочь за последующие десять лет непростой жизни не только любовью к Михаилу Михайловичу Верёвкину, но и ненавистью к матери.

Образ Таисии обретает чеховско-сологубовские очертания «злого маленького человека»: она «молит Бога» о смерти Елены Дмитриевны, в открытую называет мать «дармоедкой», «дрянью», «бесполезной старухой» и т. д. Ситуация усугубляется тем, что вдова «высока, крупна, дородна, имела двойной подбородок и правильные черты лица, ходила не торопясь, как царица на сцене, и сановитостью своею очень напоминала Екатерину Великую, императрицу», в то время как её дочь «маленькая и щупленькая», «выродок». Облик Елены Дмитриевны настолько впечатляет Михаила Михайловича, что он просит Таисию подождать с женитьбой, боясь не обеспечить семью должным образом, а на свиданиях оказывает больше внимания «маман», чем её дочери. Наступает один из кульминационных моментов повести: девушка ставит вдове ультиматум («Или ты, или я...»), обвиняя мать в своих несчастьях, угрожая ей самоубийством.

В итоге Елена Дмитриевна решает совершить суицидальный акт сама и, кроме того, планирует обеспечить благополучие Таисии, застраховав свою жизнь на большую сумму. Задуманное удаётся и представляется как вполне обыденный случай, но Андреев изменил бы себе, если бы не остановился подробнее на мотиве смерти. Вначале он подчёркивает ещё раз уровень рефлексии персонажа (то ли иронизируя, то ли идеализируя): «Страха перед смертью Елена Дмитриевна совершенно не испытывала, так как не понимала самого главного: что такое смерть? В её представлении смерть имела только два образа: похорон, более или менее пышных, если военных, то с музыкой — и могилки, которая может быть с цветами или без цветов. Был ещё тот свет, о котором рассказывают много пустяков, но если чаще молиться и верить, то и на том свете будет хорошо».

Смерть вдовы констатируется со стороны жандарма, оформлявшего протокол: «Елена Дмитриевна сделала-таки свою случайность и погибла под колёсами вагона жертвою собственной неосторожности. <...> Было очевидно, что у старухи, при переходе с площадки на другую, закружилась голова, и она упала вниз, между вагонами: такие случаи часто бывают, и недаром она боялась железной дороги, недаром страховалась!»

Однако на этом «игра» с точками зрения на смерть не заканчивается. Андреев возвращается к внутреннему миру героини, пытаясь заглянуть в ее предсмертное состояние: «А боль? А страх? А бешеное биение сердца? А неописуемый ужас живого тела, которому предстоит сию минуту быть раздробленным железными, тяжелыми катящимися колесами? И это мгновение, когда она решилась упасть, и руки отлипли от поручней, и вместо их твёрдости и защиты — пустота падения, наклон, невозвратность? И этот последний вопль, беззвучный, как молитва, как зов о помощи во сне:

полковник! Яков Сергеич!» Перед нами характерный приём писателя, который встречается в том или ином виде и в других его произведениях, например, в рассказах «Большой шлем» (1899) и «Гостинец» (1901), где Яков Иванович и Сазонка задумывались о предсмертных мыслях соответственно Николая Дмитриевича и Сенисты.

Какой бы была концовка произведения, утверждающей нравственные идеалы в духе канонического «святочного» рассказа, к примеру «Рождественской песни в прозе» Ч. Диккенса? Вероятно, раскаяние Таисии и переосмысление ею своих поступков и начало нового этапа жизни, связанного со служением людям. Но ко второму десятилетию XX века, к Великой войне вера в человека, в «маленького человека» разрушилась, и Андреев завершает текст совсем по-другому. Таисия никому не рассказывает об истинной причине гибели Елены Дмитриевны (указанной в записке дочери), и, получив положенные выплаты, вместе с Михаилом Михайловичем строит идиллическую семейную жизнь. Родив двух детей, она избавляется от всех недугов и недостатков, полнеет и становится похожей на покойную мать, чем приводит в восторг своего мужа. Портрет Елены Дмитриевны в роскошной раме занимает центральное место на стене квартиры, а её культ устанавливается «твёрдо и на все времена для детей и внуков».

Очевидно, что «игра» Андреева с жанром продолжается. Концовку «Жертвы» нельзя не назвать в каком-то смысле «сентиментальной», даже «счастливой», утверждающей «тепло, добро и радость в отношениях между людьми». В известной степени происходит «чудо», «метаморфоза» относительно Таисии: её ненависть разрешается удивительным способом, приведя героиню к семейному благополучию, к «соединению» с супругом. Вот только с учётом предшествующих событий это «антисентиментальность», «антиидиллия», «античудо», в конце концов «антирождественское» произведение.

В этом свете, завершая наши рассуждения о тексте, обратим внимание и на двусмысленность его названия. С одной стороны, «жертва» — это ещё один довод в пользу «рождественского» характера произведения. С другой — жертвенность Елены Дмитриевны вряд ли можно считать христианской в полном смысле этого слова, поскольку было совершенно самоубийство, да и ради совершенно иных, не нравственных целей. Скорее, сама вдова становится жертвой поведения дочери. Похожий конфликт, кстати, занимал Андреева незадолго до создания «Жертвы» — в рассказе «Герман и Марта» (1914), где дети тоже строят своё счастье на несчастье родителей, что также приводит к самоубийству матери.

Таким образом, отвечая на поставленный в начале статьи вопрос, чем же примечательна «Жертва», сделаем вывод о том, что это произведение, отражающее и мировоззренческие, и эстетические принципы Андреева в поздний период его творчества. Пародируя — до крайних пределов — жанр «рождественского» рассказа, писатель видит в людях лишь мошенничество, расчёт, ненависть, зло, бездуховность и лицемерие и словно готовит мир к приходу вочеловечившегося Сатаны.

Литература

1. Андреев, Л. День Рождества. Жертва // Русская воля. 1916. № 11. 25 декабря. С. 5, 6—7.

2. Андреев, Л. Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М. : Художественная литература, 1996. 719 с.

3. Андреев, Л. Н. S.O.S.: Дневник (1914—1919). Письма (1917—1919). Ст. и интервью (1919). Воспоминания современников (1918—1919) / Под ред. и со вступ. ст. Р. Дэвиса, Б. Хеллмана. М.; СПб. : Atheneum-Феникс, 1994. 598 с.

4. Душечкина, Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб. : Языковой центр СПбГУ, 1995. 256 с.

5. Кен, Л., Рогов, Л. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб. : КОСТА, 2010. 428 с.

6. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. М. : Интелвак, 2001. 1600 стб.

7. Старыгина, Н. Н. Святочный рассказ как жанр // Проблемы исторической поэтики. Вып. 2 : Художественные и научные категории. Петрозаводск : Изд-во ПГУ, 1992. С. 113—127.

8. Шишкина, Л. И. Леонид Андреев и «Русская воля» // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. гуманитарных наук. 2019. № 1. С. 110—124.

9. Шишкина, Л. И. Леонид Андреев и «Русская воля». Ч. 2 // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. гуманитарных наук. 2019. № 3. С. 43—67.

~